

СКАНДИНАВСКИЕ НАХОДКИ В ЯРОСЛАВСКОМ ПОВОЛЖЬЕ

На территории Древней Руси существует несколько микро-районов, где концентрируются комплексы и отдельные находки вещей скандинавского происхождения — одним из них является Ярославское Поволжье. Скандинавские элементы известны здесь в погребальных комплексах ярославских могильников (Тимеревского, Михайловского и Петровского)¹.

Материалы курганных некрополей, расположенных неподалеку от Ярославля, стали вводиться в научный обиход в начале нашего столетия. Публикации И. А. Тихомирова положили начало использованию данных, полученных в результате раскопок ярославских могильников для различных исторических реконструкций². Одним из вопросов, который не мог обойти ни один из исследователей ярославских курганов, была норманская проблема. В той же мере немислимы общенсторические работы на данную тему без привлечения этих материалов. Вопрос о скандинавских находках в Ярославском Поволжье распадается на две части: во-первых, это проблема облика и количества достоверных скандинавских погребений, т. е. степени и характера присутствия скандинавов на Верхней Волге в эпоху раннего средневековья; во-вторых, это выяснение путей проникновения, характера и хронологии вещей скандинавского происхождения. Обе группы вопросов вплоть до настоящего времени специальному рассмотрению не подвергались.

И. А. Тихомиров прямо указывал, что основная масса погребений Тимеревского и Михайловского могильников принадлежит скандинавам. Более того, он считал, что вообще появление курганной традиции на территории Верхневолжья связано с какими-то варяжскими перемещениями и подтверждение этому выводу видел в летописном сообщении о призвании варягов³.

¹ Ярославское Поволжье X—XI вв., М., 1963.

² И. А. Тихомиров. Кто насыпал ярославские курганы, ч. I. — Труды II областного историко-археологического съезда. Тверь, 1903, с. 87—248; ч. II, — Труды III областного историко-археологического съезда. Владимир, 1909, с. 1—98.

³ И. А. Тихомиров, Указ. соч., ч. II, с. 90.

А. А. Спицын, обосновывая свою точку зрения о юго-западном направлении «колонизации» Верхней Волги, отмечал сходство богатых дружинных курганов Гнёздова с подобными на Владимирской земле и в Ярославском Поволжье, а также наличие там и здесь скандинавских вещей, считая, что они могли быть принесены сюда со Смоленщины⁴. А. А. Спицын не учитывал возможности независимого проникновения скандинавских вещей из Скандинавии по Волжскому и Днепровскому путям. Оба автора, и А. А. Спицын, и И. А. Тихомиров не смотрели на историю создания древнерусского государства и формирования древнерусской народности только через призму норманского вопроса. Варяжские элементы были для них просто одним из компонентов древнерусской дружинной культуры.

В развернутом виде взгляды на Волжский путь как исконно варяжский и Ярославское Поволжье, как скандинавскую «колонию» были изложены в исследованиях видного шведского археолога Т. Арне и целого ряда других зарубежных ученых. Подробный историографический разбор этих работ приведен в книге И. П. Шаскольского⁵. Т. Арне во время своей поездки в Россию в 1913 году провел небольшие раскопки на Михайловском могильнике, где исследовал восемнадцать курганов⁶.

Ровно через год вышла книга Т. Арне «Швеция и Восток», которая стала основой археологического норманизма⁷. В России шведский ученый искал материал для обоснования выдвинутой им на археологических источниках реакционной норманской теории.

В работах советских археологов (Я. В. Станкевич, Е. И. Горюнова, М. В. Фехнер, Н. Г. Недошивина, П. Н. Третьяков) на тех же ярославских материалах сформулирована противоположная позиция, основанная на марксистско-ленинской методологии, и показан исторический процесс во всем его многообразии и сложности⁸.

Особняком стоит лишь работа Ю. В. Готье, опубликованная еще в двадцатых годах, в которой он поддержал тезис Т. Арне

⁴ А. А. Спицын. Древности Иваново-Вознесенской губ. Иваново-Вознесенск, 1924.

⁵ И. П. Шаскольский. Норманская теория в современной буржуазной науке. М.—Л., 1965, с. 152—158.

⁶ Т. J. Arne. Ett svenskt gravfält i guvernement Jaroslaw Ryssland. Fornvännen, 1918, s. 47.

⁷ Т. J. Arne. La Suède et l'Orient. Uppsala, 1914, ss. 37, 52—54, 222.

⁸ Я. В. Станкевич. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X ст. Материалы и исследования по археологии СССР (далее — МИА), № 6, М.—Л., 1941, с. 56—88; Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья, МИА, № 94, М., 1961, с. 183—248; Ярославское Поволжье X—XI вв., М., 1963 (статьи М. В. Фехнер — «Тимеревский могильник» и «Петровский могильник», статья Н. Г. Недошивиной — «Михайловский могильник»); П. Н. Третьяков. У истоков древнерусской народности. МИА, № 179, Л., 1970, с. 122—141.

о наличии в Ярославском Поволжье норманской «колонии». Он полагал, что «поселение под Ярославлем (которое тогда известно вообще не было — *И. Д.*) было славянским, причем славяне эти пришли со Смоленщины, но внутри него была норманская колония, являвшаяся опорным перевалочным пунктом на середине пути из варяг на Восток»⁹.

Я. В. Станкевич, проводившая раскопки в Тимереве и Михайловском, связала со славянами все трупосожжения, не отметив совсем наличия скандинавских погребений¹⁰. Наиболее детальный и глубокий анализ скандинавских древностей в Ярославском Поволжье мы находим в работах М. В. Фехнер, под руководством которой вплоть до настоящего времени проводится полевое изучение Тимеревского могильника¹¹.

Скандинавские погребальные комплексы, по определению М. В. Фехнер, выявлены только в составе Тимеревского некрополя (4%)¹². Михайловский и Петровский могильники, по мнению Н. Г. Недошивиной и М. В. Фехнер, скандинавских погребений не имеют¹³.

М. В. Фехнер совершенно обоснованно выступила против норманистских взглядов и попыток определений ярославских некрополей как могильников скандинавских торговых факторий, указав, что «ничтожное число скандинавских погребений данного некрополя (Тимеревского — *И. Д.*) свидетельствует о том, что осевшие в X веке в Ярославском Поволжье незначительные группы норманнов, в XI, по-видимому, уже ассимилировались с местным населением»¹⁴. В основном, материал подтверждает это положение, однако сейчас есть возможности раскрыть процесс более детально.

Вплоть до настоящего времени все авторы пользовались только материалами могильников. В 1972 году близ Тимеревского могильника было обнаружено поселение, синхронное ему и прямо с ним связанное¹⁵.

Селище у д. Большое Тимерево по своим масштабам (5,5 га) вполне соответствует размерам могильника. В состав Тимеревского археологического комплекса входят также два клада арабских монет (всего более 4000 экз.), зарытые в землю в конце

⁹ Ю. В. Готье. Заметки о ранней колонизации Ростово-Суздальского края. ТСА РАНИОН, т. IV, М., 1929, с. 140.

¹⁰ Я. В. Станкевич. Указ. соч., с. 83.

¹¹ М. В. Фехнер. Тимеревский могильник. В указ. кн., с. 15—17; *ее же*. Внешнеэкономические связи по материалам ярославских могильников. В указ. кн., с. 75—85.

¹² М. В. Фехнер. Тимеревский могильник, с. 17.

¹³ Н. Г. Недошивина. Михайловский могильник, с. 24—31; М. В. Фехнер. Петровский могильник, с. 20—23.

¹⁴ М. В. Фехнер. Тимеревский могильник, с. 17.

¹⁵ И. В. Дубов. Работы Ярославского отряда. В кн. «Археологические открытия 1972 года». М., 1973, с. 63.

IX столетия¹⁶. К сожалению, мы не имеем аналогичных поселений в Михайловском и Петровском.

Самым ранним достоверно скандинавским погребальным комплексом в ярославских могильниках является погребение по обряду трупосожжения на месте сооружения насыпи в кургане № 95 Тимеревского могильника¹⁷. На кострище обнаружены кальцинированные кости женщины и ребенка. Рядом с кострищем находилась подтреугольная каменная вымостка, аналогичная находкам в Скандинавии¹⁸. На кострище найден полный скелет курицы, брошенной уже на погасший погребальный костер.

Интересен инвентарь рассматриваемого погребения. Здесь найдено ожерелье из пятидесяти бус, среди которых две — ажурные биконические бусы из серебряной рубчатой проволоки, аналогии которым на территории Древней Руси известны только в могильнике в урочище Плакун близ Старой Ладogi¹⁹. Плакунский комплекс датируется IX в., а может быть и первой половиной этого столетия. Курганы с аналогичными бусами на территории Скандинавии датируются IX—X вв., но там, где возможна более узкая датировка — IX столетием. На кострище найден также составной односторонний гребень с орнаментом в виде меандра и плетенки. Датируются такие гребни в странах Балтики IX—X вв.²⁰ Найденный фрагмент скорлупообразной фибулы позволяет полагать, что здесь была фибула типа 30—31 по Я. Петерсену (первая половина IX столетия). На кострище обнаружены также три арабские монеты — два дирхема, чеканенные в 50—70 годах VIII века Аббасидами и Умайядами, и одна полудрахма, выпущенная в обращение в 780—788 гг.²¹ Таким образом, факты позволяют датировать рассматриваемый комплекс IX веком и скорее всего его первой половиной. Набор инвентаря и погребальный обряд позволяют определить этническую принадлежность погребения. Даже если сама погребенная не была скандинавкой, то среди организаторов и участников погребальной церемонии (видимо, ближайшие родственники) находились люди скандинавского происхождения.

Во всех трех могильниках известны погребальные комплексы с норманскими вещами IX века. Некоторые из погребений можно

¹⁶ И. Г. Добровольский, И. В. Дубов. Комплекс памятников у деревни Большое Тимерево под Ярославлем (по археологическим и нумизматическим данным). Вестник Ленинградского университета, № 2, 1975, с. 65—66.

¹⁷ И. В. Дубов. Ярославская экспедиция. В кн.: «Археологические открытия 1973 года». М., 1974, с. 51.

¹⁸ E. Kivikoski. Kvarubacken. Helsinki, 1963, ss. 9—62; B. Nerman. Die Verbindungen zwischen Scandinavien und dem Ostbaltikum in der Bronzezeit und ältesten Eisenzeit. «Acta Archaeologica», vol. IV, København, 1933, ss. 241—245.

¹⁹ Г. Ф. Корзухина. Курган в урочище Плакун близ Ладogi. КСИА, вып. 125, М., 1971, с. 63.

²⁰ Определение О. И. Давидан.

²¹ Определение И. Г. Добровольского.

определить этнически как скандинавские. Особую группу в Тимеревском могильнике составляют курганы с кольцевидными каменными выкладками в основании насыпи, иногда с перекрещивающимися линиями камней в центре круга. Таких курганов насчитывается девять (№№ 53, 142, 144, 191, 267, 272, 362, 371, 396). Кальцинированные человеческие кости в этих насыпях располагаются кучкой на материке или в небольшой ямке в центре круга, образованного камнями. Вся эта серия курганов и ранее определялась как скандинавская²². В нашу задачу входит рассмотрение хронологии данных погребений. М. В. Фехнер датировала эти комплексы в основном X столетием, распространяя таким образом данную устойчивую традицию почти на весь период существования могильника.

Наиболее твердую дату имеет курган № 53, где среди кальцинированных костей найдены две односкорлупные овальные фибулы типа 37 F (вторая половина IX в.). М. В. Фехнер датирует курган № 53 концом IX — началом X вв. Мы не видим оснований для такого завышения даты по сравнению с временем бытования фибулы.

Единство обряда погребения — трупосожжение на стороне и каменные конструкции (только в одном случае — курган № 371 — мы имеем дело с ингумацией), стандартные средние размеры курганов (диаметр — 7 м, высота — 0,7 м), четкая топографическая локализация этих насыпей в пределах древнейшего ядра Тимеревского некрополя — все это позволяет относить их к IX столетию, а не к X веку, как это делает М. В. Фехнер.

Кроме вышеперечисленных курганов, IX — началом X вв. датируются и другие комплексы со скандинавскими вещами — № 75 (фибула типа 58), № 123 (фибула типа 37 B). По обряду погребения оба комплекса близки к названным выше. Единственное отличие это — отсутствие в курганах №№ 75 и 123 каменных кладок. Однако близость все-таки налицо: в кургане № 75 кости лежат грудой на материке, во втором случае они лежат на плоском камне, — характерная деталь для курганов с каменными конструкциями.

В Михайловском могильнике из комплексов IX — начала X вв. только один можно связывать со скандинавами — № 105 — 1961 г. В кургане найдена груда кальцинированных костей на материке, среди которых находилась гривна с молоточками Тора. Общепринято, что эти амулеты являются этническими индикаторами²³. Датирован курган по обряду погребения, размерам и

²² М. В. Фехнер. Тимеревский могильник, с. 15.

²³ И. П. Шаскольский. Указ. соч., с. 123; Т. А. Пушкина. О проникновении некоторых украшений скандинавского происхождения на территорию Древней Руси. Вестник МГУ, «История» № 1, 1972, с. 94; Д. А. Авдусин. Об изучении археологических источников по варяжскому вопросу. «Скандинавский сборник», XX, Таллин, 1975, с. 150.

топографическому расположению. Эта дата на наш взгляд не противоречит хронологии гривен с молоточками Тора²⁴.

Такова группа погребальных комплексов скандинавского происхождения, которые можно датировать IX — началом X столетий. Представлены они в Тимеревском и Михайловском могильниках. В Петровском могильнике только в одном кургане IX века известна скандинавская находка: курган № 73 — фибула типа 37^B. Однако погребение скандинавским признать нельзя, т. к. и обряд — кострище с обугленными плахами — «домик мертвых», и находки ритуального характера — шумящие привески, подвески из астрагалов бобра, глиняная лапа — имеют местное происхождение.

Погребальные комплексы X века ярославских могильников также содержат скандинавские черты, а некоторые могут быть признаны норманскими в целом. Следует согласиться с М. В. Фехнер, которая отнесла к скандинавским погребения в курганах № 261 (кости барана и обрядовые лепешки), № 383 (кострище треугольной формы, застежки в виде птичек)²⁵. Более осторожно на наш взгляд следует подходить к комплексам №№ 329, 393, где с одной стороны известна скандинавская черта — кольцевидные кладки, но обряд погребения уже отличен от описанного выше. Здесь — это сожжения на кострищах при использовании деревянных конструкций типа «домиков мертвых». Поэтому признав наличие в обряде этих курганов скандинавских элементов, а в кургане № 393 это еще и набор фибул типа 51^C, характерных для середины X века, следует говорить о сплаве разноэтнических признаков. Совершенно особым явлением представляется погребение в кургане № 394. Здесь найдено самое раннее трупоположение в ярославских могильниках (за исключением кургана № 371), датирующееся первой половиной X века.

Датировку и этническую принадлежность комплекса определяют находки фибул типа 51^B (2-я четверть X века) и трилистной застежки (2-я четверть X века) и необычный для Ярославщины в это время обряд погребения (ингумация), но хорошо представленный в Скандинавии.

В первой половине X в. был насыпан курган № 54, в котором захоронены остатки двух сожжений — мужчины и женщины. Здесь найдены железная шейная гривна из дрота четырехугольного сечения, ладейная заклепка, гребень с орнаментом в виде плетенки, дирхем, стрела ланцетовидной формы — обычный набор инвентаря для погребений IX — первой половины X вв.

²⁴ И. В. Дубов. О датировке железных шейных гривен с привесками в виде «молоточков Тора». В кн.: Исторические связи Скандинавии и России. IX—XX вв. Л., 1970, с. 268.

²⁵ М. В. Фехнер. Тимеревский могильник, стр. 15.

в Скандинавии. Такой набор инвентаря позволяет полагать, что перед нами скандинавское погребение.

В Михайловском могильнике среди комплексов первой половины X в. несколько погребений можно отнести к скандинавским. Во-первых, это курган № 18, 1897 года раскопок, где в состав инвентаря входят фибула типа 51^K и застежка типа 51 g-k (первая половина X в.). Кроме черепаховидных фибул здесь найдены меч, согнутый пополам (характерный для Скандинавии обычай), дирхем-привеска 805—809 гг. чеканки, ореховая скорлупа. Меч относится к типу «Е». В Скандинавии мечи этого типа после 900 г. встречаются крайне редко²⁶. Набор инвентаря и обряд погребения (урна) позволяют относить данный комплекс к скандинавским. По ряду признаков к этому комплексу близок курган № 1 (1902 год) — на кострище, рядом с урной, наполненной человеческими костями, меч, сломанный пополам и положенный на урну (тип Д — IX—X вв.), лодочные заклепки, бусы, богатый поясной набор, стрелы, ореховая скорлупа и т. д. К этой же группе можно относить и курган № 65 (1961 г.), где кальцинированные кости были сложены в урну, рядом с которой лежали бусы, дирхемы, гирька, гребень с плетенкой и железная шейная гривна с привесами в виде молоточков Тора.

Следует отметить, что вообще в курганах Михайловского могильника первой половины X в. широко представлены северо-европейские вещи (мечи, копья, ланцетовидные стрелы, гирьки, весы, монеты, шипы, фрагменты ларчиков, фибулы)²⁷. Однако это не позволяет нам категорически говорить о скандинавской принадлежности комплексов в целом.

Следует особо отметить в кургане № 176 (1961) находку фибулы круглой формы, имеющей точную копию в могильнике Бирка²⁸. На обоих экземплярах — стилизованное изображение коня с развивающимися вокруг крупы лентами (змеями). Изображение на ярославской находке даже в деталях идентично рисунку на застежке из Бирки. Оба комплекса датируются первой половиной X в.²⁹

Некрополи под Ярославлем достигают своего расцвета в первой половине — середине X века. Это связано прежде всего с повышением значения Волжского пути в системе общеевропейских связей. Явление это нашло свое отражение и в материалах могильников, в частности в это время усиливается приток вещей скандинавского происхождения.

В Тимереве к середине X столетия относится большая серия

²⁶ А. Н. Кирпичников. Древнерусское оружие. Свод археологических источников (далее — САИ), вып. Е 1—36, М.—Л., 1966, т. 1, с. 30.

²⁷ Курганы №№ 7, 18, 20 — 1897; 1, 5, 11, 18, 20, 34, 44 — 1898; 1 — 1902; 6, 18 — 1913; 2 — 1938; 22 — 1939; 3, 38, 65, 176 — 1961.

²⁸ Н. Arbmán. Birka. Bd. II. Tafeln. Stockholm, 1943, taf. 70—17.

²⁹ А. Gejer. Die Textilfunde. Birka. Bd. III. Stockholm, 1943, s. 164.

погребальных комплексов с фибулами скандинавских типов (главным образом тип 51^с)³⁰.

В это время происходит сильное размывание этнических черт обрядности — погребальный ритуал становится стандартным, но объединяющим в себе разноэтнические черты. К славянским и скандинавским, доминирующим на раннем этапе функционирования могильников, подключаются финно-угорские — деревянные конструкции на кострищах, глиняные лапы и кольца, астргалы бобра, круглодонная керамика, копоушки, бубенчики. Для этого этапа чрезвычайно трудно выявить скандинавские погребения. Можно полагать, что комплексы, где встречен полный набор фибул скандинавского образца, так или иначе связаны с норманнами. В Тимереве это курганы №№ 70, 83, 85, 268, 277; в Михайловском — №№ 3 (1903 г.), 101 (1961 г.). В кургане № 101 кроме фибул найдена железная шейная гривна. Такое сочетание с учетом обряда погребения, имеющего старые корни (ТПС на стороне), говорит в пользу скандинавского облика погребения. Хорошо представлены североевропейские элементы в кургане № 10 (1897 г.) — фибула типа 227, меч типа «Х», топоры боевые типа П, ланцетовидные стрелы. В итоге следует отметить, что с полной уверенностью лишь курган № 101 (1961 г.) можно связывать со скандинавами.

В Петровском могильнике, как и ранее в комплексах середины X века, есть фибулы скандинавских типов, но это не дает нам оснований для этнических определений.

Во второй половине X в. процент комплексов со скандинавскими вещами резко падает. В Тимереве всего в трех случаях найдены фибулы (№№ 134, 368, 391), причем в двух случаях застёжки представлены парами. Наиболее интересны курган № 368, где найдена фибула типа 52, украшенная стилизованными конскими головками и коронкой в центре скорлупы, и фибула типа 70—73 (равноплечная). Характерен и обряд погребения — кальцинированные кости находились в урне, обложенной камнями.

В Михайловском лишь одна насыпь содержит набор фибул (№ 1 — 1896 г.) типа 52, кроме которых в состав вещей входят копьё, шип, ручка от ларца, ключ, ножницы, заклепки.

Из состава курганов Петровского могильника два содержат наборы фибул (№ 53, № 88) типов 52 и 55. Интересна такая деталь — в кургане № 88 кучка кальцинированных костей покрыта камнями. Все это говорит о наличии в обряде и инвентаре скандинавских черт. Десятым веком датируется курган № 66 с набором фибул типа 51.

Таким образом, все три некрополя содержат в составе погреб-

³⁰ Курганы №№ 45, 60, 70, 79, 83, 168, 218, 263, 265, 274, 277, 303, 323, 325, 359, 361, 398.

бальных комплексов скандинавские черты обряда или вещи. В Тимеревском и Михайловском могильниках можно выявить характерный обряд, в Петровском этого нет.

Вещи скандинавского происхождения известны из культурного слоя Тимеревского поселения, однако количественно они составляют мизерный процент от общего числа находок³¹. Это — несколько гребней с плетенкой³², иглы от фибул, серебряная подвеска с изображением сегнерова колеса, аналогии которой известны во Владимирских курганах³³, могильнике у д. Пересажа на Черниговщине и кладах Готланда и Швеции³⁴, перстень с изображением на щитке сокола (ворона), стилистически восходящий к северным сюжетам. Можно сказать, что устойчивого и характерного норманского комплекса вещей на поселении пока не найдено.

Особое значение имеет обнаружение на монетах из клада куфического серебра, найденного на селище в 1973 году, рунических граффити³⁵, зафиксированных в четырех случаях. На одной из монет (Аббасиды, конец VIII — начало IX вв.) обнаружена надпись ХΛ|X| (gud). Эта форма могла использоваться для обозначения языческих богов («боги») или христианского бога («бог»). Рука Y (к) процарапана на умайядском дирхеме (729—730 гг.). На умайядской монете (740—741 гг.) можно увидеть изображение руны N (S). А сочетание этих двух рун встречено на аббасидском дирхеме (803—804 гг.).

Возможно, что рунические граффити могли выполнять роль заклинаний против предполагаемых грабителей. Мы не имеем возможности утверждать, что нанесение указанных знаков связано с зарытием в землю этого клада. Важно зафиксировать их наличие в пункте, где имеются скандинавские погребальные комплексы.

Таким образом, мы видим, что скандинавские черты так или иначе представлены во всех известных нам категориях древностей рассматриваемых памятников. Однако основной материал для заключений можно черпать все же из погребальных комплексов. М. В. Фехнер произвела подсчеты процентного соотношения этнически определяемых погребальных комплексов для Тимеревского могильника, получив 4% скандинавских погребений от общего количества курганов³⁶. Позже была произведена коррек-

³¹ На поселении вскрыта площадь около 2000 м².

³² Определения О. И. Давидан.

³³ А. А. Спицын. Владимирские курганы. Известия археологической комиссии, вып. 15. М., 1905, рис. 196.

³⁴ С. С. Ширинский. Курганы X в. у дер. Пересажа. КСИА, вып. 120, М., 1969, с. 104.

³⁵ И. Г. Добровольский, И. В. Дубов, Ю. К. Кузьменко. Рунические граффити на восточных монетах. (В печати).

³⁶ М. В. Фехнер. Тимеревский могильник, с. 17.

тировка ее расчетов, которая дала цифру 13% для X в. и 3,5% для XI в.³⁷ Надо сразу сказать, что сам подход к этническим определениям в данном случае представляется неверным, т. к. не учитывается, во-первых, динамика развития, а, во-вторых, активный процесс смешения населения, жившего на одном селище, хоронившего в одном некрополе, который отражается в размывании и переплетении различных этнических черт. Выделенные нами скандинавские погребальные комплексы отнюдь не означают, что в каждом случае погребен норманн, можно говорить лишь о существовании и степени устойчивости традиции.

Большая часть скандинавских погребений — женские и отдельные скандинавские вещи (главным образом, фибулы) найдены в женских погребениях. Это может означать, что за данным числом погребений стоит гораздо меньшее количество мужчин-скандинавов. Здесь мы сталкиваемся с вопросом — являются ли фибулы этническими индикаторами? М. В. Фехнер полагала, что фибулы попадали в Ярославское Поволжье как предметы импорта из Скандинавии³⁸. Т. А. Пушкина считает, что «фибулы принадлежали выходцам из Скандинавии, попавшим в некоторые пункты Руси в IX — начале XI вв., принесшим с собой свой племенной наряд, свои верования, свой обряд погребения»³⁹. Если согласиться с данным мнением, то следует признать все комплексы с фибулами в ярославских могильниках (а их около 50) норманскими — в основном женские погребения. Если прибавить сюда определенное количество мужских захоронений, то какой же процент должны составить норманны на Ярославщине? И потом, имея большое количество женских скандинавских погребений, надо, видимо, говорить об организованном массовом переселении. Материал не позволяет нам согласиться с заключениями Т. А. Пушкиной. Нельзя, конечно, говорить и только о торговом пути проникновения фибул. Видимо, вещи эти попадали со скандинавами и переходили к местным женщинам разными путями.

В целом создается следующая картина. В IX столетии из земель новгородских начинается движение славянского населения на Верхнюю Волгу. Путь этот отмечен небольшими по размерам курганами с погребениями по обряду трупосожжения, которые сочетаются с кладами арабских монет IX века⁴⁰. Курганы эти выявлены на Новгородчине И. И. Ляпушкиным и

³⁷ Л. С. Клейн, Г. С. Лебедев, В. А. Назаренко. *Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения*. В кн.: «Исторические связи Скандинавии и России IX—X вв.», Л., 1970, с. 246.

³⁸ М. В. Фехнер. *Внешнеполитические связи...*, стр. 84.

³⁹ Т. А. Пушкина. *Указ. соч.*, стр. 94.

⁴⁰ В. Л. Янин. *Денежно-весовые системы русского средневековья (домонгольский период)*. М., 1956, с. 100—103.

В. В. Седовым⁴¹. Представлены они хорошо и в ярославских могильниках. Вместе со славянами на Волгу попадают и незначительные группы скандинавов, имеющие еще свой устойчивый обряд погребения.

С середины X столетия резко усиливается процесс формирования древнерусской народности на Волге, в котором активное участие начинает принимать и местное финно-угорское население. К этому времени значительно снижается удельный вес погребений по скандинавскому обряду, а доля вещей скандинавского происхождения увеличивается. Последнее связано с усилением роли Волжского пути в это время, как трансевропейской торговой артерии, а скандинавские элементы играют совсем другую роль.

На основании сказанного выше следует полагать, что скандинавские традиции к моменту становления новой общественной предфеодалной структуры на Верхней Волге уже исчерпали себя, растворились в море племенной среды славян и финно-угров. А то небольшое количество выходцев из Скандинавии, попавшее в Ярославское Поволжье в IX — начале X вв., не составляло собой какой-то особой этнической группы.

⁴¹ И. И. Ляпушкин. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства. МИА № 152, Л., 1968, с. 112—113; В. В. Седов. Новгородские сопки. САИ, вып. Е 1—8, М., 1970, с. 30—31.